

БОРЬБА СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ НА БАЛКАНАХ (ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1935 Г.)

В работах буржуазных историков политика СССР на Балканах фальсифицируется, миролюбивые усилия Советского Союза, направленные на создание системы коллективной безопасности против фашистской агрессии, замалчиваются¹. В исторической литературе социалистических стран дана аргументированная критика концепций буржуазных авторов и рассмотрены основные аспекты отношений между СССР и Балканскими странами накануне второй мировой войны². Вместе с тем международная деятельность Советского Союза на Балканах в 30-е гг. нуждается в дальнейшей разработке с учетом новых опубликованных и архивных документов.

Установление в Германии фашистской диктатуры привело к образованию в центре Европы главного очага второй мировой войны. Германский империализм выступил в роли ударного кулака мировой контрреволюции, главного организатора «крестового похода» против Советского Союза. Фашистская агрессия угрожала также странам Центральной и Юго-Восточной Европы, захват которых рассматривался главарями третьего рейха в качестве первого шага на пути к установлению мирового господства. Германская экспансия в Европе привела к усилению захватнических устремлений в Италии, Венгрии и Болгарии.

В этих условиях Франция и ряд стран, входивших в военнополитическую систему под ее эгидой, которым в первую очередь угрожала гитлеровская агрессия, стали склоняться к сотрудничеству с Советским Союзом в интересах мира. В мае

¹ Beloff M. The Foreign Policy of Soviet Russia. 1929—1941. L., 1947, v. 1; Fischer L. Russian Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations. 1917—1941. N.Y., 1969; Roberts H. Eastern Europe: Politics, Revolution and Diplomacy. N.Y., 1970; Beacourt G. L'Union Sovietique et la Roumanie.—In: Les frontieres europeennes de L'URSS. 1917—1944. P., 1957; Vere-Hodge E. Turkish Foreign Policy. 1918—1950. L., 1951; и др.

² СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976; Смирнов В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974; Копанский Я. М., Левит И. Э. Советско-румынские отношения. 1929—1934 гг. М., 1971; Смирнова Н. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969; Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. 1929—1939. М., 1976; Проблемы истории Турции. М., 1978; Kral V. Spojenectvi ceskoslovensko-sovetske v evropske politice. 1935—1939. Praha, 1970; Avramovski Z. Pitanje sovjetsko-rumunskog pakta, pad Tituleskua i posledice za Rumunska spoljnotopoliticku orijentaciju.—Istoria XX veka. Beograd, 1965, v. 7; и др.

1935 г. были заключены советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи.

Правительство СССР рассматривало эти договоры как первый важный этап на пути к созданию общеевропейской системы коллективной безопасности. Советский Союз стремился к организации широкого фронта государств, заинтересованных в сохранении мира. С этой целью Советское правительство в июне 1935 г. вступило в переговоры с Румынией о заключении пакта о взаимной помощи против фашистской агрессии.

Подписание советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи было положительно встречено в Румынии. На приеме, устроенном в Бухаресте в честь видного французского политического деятеля Ж. Поль-Бонкура, румынский министр иностранных дел Н. Титулеску сказал: «Договор о взаимной помощи, подписанный Парижем и Москвой, является событием такой важности, что в настоящее время нельзя предвидеть всех его положительных последствий для организации дела мира... Франко-советский договор призван быть основой будущей организации безопасности в Европе»³.

Правильно оценивая роль СССР в защите мира, Титулеску понимал, что без сотрудничества с Советским Союзом малые страны не смогут успешно противостоять фашистской агрессии. Сразу после подписания советско-французского и советско-чехословацкого пактов о взаимопомощи румынский министр иностранных дел попытался склонить правительства стран Балканской Антанты к заключению коллективного договора против агрессии с СССР. Однако осуществлению проекта решительно воспротивилось правительство Югославии и переговоры о нем не вышли за рамки предварительного зондажа⁴.

Подписание советско-французского и советско-чехословацкого пактов поставило вопрос о заключении советско-румынского соглашения, в котором предусматривалось бы право прохода советских войск через румынскую территорию для оказания помощи Франции и Чехословакии. На переговорах с французскими представителями Титулеску высказался в пользу заключения такого соглашения с СССР⁵. Но этот проект был заведомо обречен на неудачу, так как румынский министр иностранных дел рассчитывал в обмен на согласие пропустить советские войска для выполнения союзнических обязательств в отношении Чехословакии и Франции добиться от Советского правительства признания захвата Румынией Бессарабии. Решительно воспротивились возможному проходу Советской Армии

³ Documente diplomatice. Bucuresti, 1967, № 375, p. 642—643.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2541, л. 9. Донесение временного поверенного в делах Болгарии в Бухаресте С. Шопова, 16.5.1935.

⁵ Там же. Еще 19 марта 1935 г. Титулеску говорил советскому полпреду в Бухаресте Островскому, что намерен в июне посетить Москву.— ДВП СССР, т. 18, № 125, с. 194.

через территорию Румынии король Кароль, премьер-министр Татареску и генштаб⁶. Поспешило вмешаться и германское правительство. Гитлеровцы предприняли в Париже демарш, пригрозив немедленно оккупировать Чехословакию, если в дополнение к советско-французскому и советско-чехословацкому пактам о взаимопомощи будет заключено соглашение, обеспечивающее право прохода советских войск через румынскую территорию⁷. 24 мая было подписано германо-румынское клиринговое соглашение⁸. Кроме того, Германия предоставила румынскому правительству кредит на выгодных для Румынии условиях. В результате Кароль отложил запланированную поездку Титулеску в Москву⁹.

Вместе с тем правящие круги Румынии не могли не считаться с ростом международного престижа Советского Союза, а также с определенным поворотом в сторону сближения с СССР ближайших союзников Румынии — Франции и Чехословакии. Кроме того, ими по-прежнему руководило стремление добиться от Советского правительства уступок по бессарабскому вопросу, обеспечив одновременно поддержку СССР против Венгрии и Болгарии.

В мае 1935 г. Титулеску в беседе с М. М. Литвиновым признал, что страны Балканской Антанты, в случае столкновения с Германией, «будут оккупированы в течение короткого времени, если за ними не будет стоять Советская Армия»¹⁰. Однако румынский министр иностранных дел уклонился от обсуждения вопроса о заключении пакта с СССР, сказав, что не хочет теперь ехать в Москву четвертым (после Идена, Лавалья и Бенеша). Было условлено, что Титулеску посетит советскую столицу в октябре 1935 г.¹¹

Впервые вопрос о пакте с Советским Союзом Титулеску поднял в беседе с М. С. Островским 24 июня 1935 г.¹² Как сообщал М. М. Литвинов советскому полпреду в Праге, «по мысли Титулеску, пакт (советско-румынский.— В. А.), в отличие от советско-чехословацкого и советско-французского, не должен ограничивать помощь случаями нападения со стороны Германии, а иметь в виду также агрессию со стороны Венгрии, причем, однако, Румыния не должна обязаться оказывать нам помощь против Польши, несмотря на то что Титулеску хочет настаивать при этом на окончательном разрешении бессарабской проблемы»¹³. Проект Титулеску, следовательно, имел мало

⁶ *Diariusz i teki J. Szembeka. L., 1964, t. 1, s. 317.*

⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2541, л. 9.

⁸ ДВП СССР, т. 18, с. 643, примеч. 144; DGFP, ser. C, v. 4, № 110.

⁹ ДВП СССР, т. 18, № 271, с. 397; Kral V. *Spojenectvi ceskoslovensko-sovetske ...*, s. 77.

¹⁰ ДВП СССР, т. 18, № 244, с. 363.

¹¹ Там же, с. 364.

¹² Там же, № 283, с. 406.

¹³ Там же, № 291, с. 422.

общего с обеспечением коллективной безопасности в Европе, так как предусматривал односторонние преимущества в пользу Румынии и игнорировал тот факт, что Польша ведет политику, направленную против мира.

Главной целью политики, проводимой Титулеску, было сохранение Румынии в границах Версаля. Удержав Бессарабию, он, в отличие от других румынских политических деятелей, рассчитывал путем сохранения и развития отношений с Советским Союзом. Что касается Трансильвании, на которую претендовала Венгрия, то румынский министр иностранных дел полагал возможным сохранить ее в составе Румынии с помощью Германии. Титулеску поэтому считал необходимым условием подписания пакта с СССР одновременное заключение аналогичного пакта с Германией¹⁴.

Германский поверенный в делах в Бухаресте доносил в мае 1935 г. в Берлин, что успешный ход германо-румынских экономических переговоров и заключение 24 мая клирингового соглашения между двумя странами свидетельствуют о стремлении Титулеску укрепить отношения Румынии с Германией. Хорошие румыно-германские отношения рассматриваются Титулеску в качестве необходимого противовеса румыно-советским отношениям, подчеркивал германский дипломат¹⁵. 18 июня 1935 г. посольство Германии в Румынии вновь доносило в Берлин, что Титулеску в действительности не стремится к укреплению связей с СССР. Он будет затягивать переговоры с Москвой и в конечном итоге присоединится к тем, кто окажется сильнее¹⁶.

19 июня 1935 г. румынский посланник в Берлине Комнен по поручению Титулеску заявил германским представителям, что Румыния не пойдет на углубление сотрудничества с СССР. Он сказал, что румынское правительство желает добрых отношений с Берлином и никогда не предпримет чего-либо «без или против Германии»¹⁷. В июле 1935 г. Титулеску дал указание румынскому посольству в Берлине неуклонно придерживаться основной идеи румынской внешней политики, а именно идеи «равной дружбы со всеми великими державами, дружбы, из которой, по нашим понятиям, Германия не должна быть исключена». Титулеску подчеркнул, что Румыния готова предложить Германии пакт о взаимной помощи на таких же условиях, на каких он будет предложен Советскому Союзу, — если Германия «гарантирует нашу территориальную целостность и территориальную целостность наших союзников»¹⁸.

В середине июля 1935 г., после возвращения Титулеску из

¹⁴ Язькова А. А. Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939. М., 1963, с. 94; Oprea I. Nicolae Titulescu. Bucuresti, 1966, p. 262.

¹⁵ DGFP, ser. C, v. 4, № 110, p. 212.

¹⁶ Kral V. Spojenectvi ceskoslovesko-sovetske . . . , s. 77.

¹⁷ DGFP, ser. C, v. 4, № 160, p. 331—332.

¹⁸ Documente diplomatice, № 484, p. 820.

Лондона, где ему удалось заручиться согласием английского королевского двора пригласить румынского монарха посетить Англию, чего долго и безуспешно добивался Кароль, правительство Румынии уполномочило своего министра иностранных дел вести переговоры о заключении пакта о взаимной помощи с Советским Союзом¹⁹. Вместе с тем король и правительство обязали Титулеску добиваться отказа СССР от его законного права на Бессарабию и стремиться к тому, чтобы пакт с Советским Союзом не был направлен против Германии и Польши²⁰. Кроме того, Кароль намеревался подписать договор с СССР даже при успешном исходе советско-румынских переговоров только в случае возникновения непосредственной угрозы безопасности Румынии²¹.

Идея заключения пакта с СССР встретила поддержку широких кругов румынской прогрессивной общественности. 16 июля 1935 г. газета национал-царанистов «Диминьяца» писала: «Требуем заключения политического союза с Россией, так как видим в нем гарантию мира...». Другая газета национал-царанистов «Адевэрул» 23 июля отмечала: «Румынская общественность ожидает, что будет заключен пакт (с СССР.— В. А.), который обеспечит Румынии максимум гарантий...».

Борьбу народных масс и демократической общественности за установление эффективного сотрудничества с Советским Союзом в интересах мира возглавила КППР. Румынские коммунисты указывали, что в создавшейся напряженной международной обстановке коренные национальные интересы Румынии настоятельно требуют сохранения и укрепления отношений с СССР, и призывали немедленно заключить с ним договор о взаимной помощи²².

Однако Титулеску, получив необходимые полномочия, не торопился вступать в конкретные переговоры о пакте с советскими представителями. Состоявшиеся между ним и М. М. Литвиновым встречи на сессии Лиги наций в Женеве в сентябре 1935 г. не сдвинули дело с мертвой точки²³. Это объяснялось прежде всего попытками Титулеску выторговать у Советского Союза согласие признать Бессарабию румынской территорией. М. М. Литвинов в письме М. С. Островскому указывал, что румынский министр иностранных дел явно намеревается придать своим предложениям характер шантажа. «Вы, мол, заключили с Францией и Чехословакией пакты о взаимной помощи,

¹⁹ Ibid., № 470, p. 796; Teichman M. Titulescu a Rumunská zahraniční politika. 1933—1936.—Československý časopis historický, 1966, № 5, s. 677.

²⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2762, л. 1—3. Донесение посланника в Бухаресте, 11.10.1935.

²¹ Там же, а. е. 2760, л. 18—20. Донесение посланника в Москве, 30.10.1935.

²² Documente din istoria Partidului Comunist din Romania; 1934—1937. București, 1957, v. 4, p. 326.

²³ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 131.

эту помощь вы можете оказать им, только пройдя или пролетая через нашу территорию, а потому извольте нам за это заплатить... Если Титулеску будет держаться на этих позициях, то боюсь, что придется с ним поругаться и поездка его в Москву не состоится», — делал вывод М. М. Литвинов²⁴. Подобная тактика румынского министра иностранных дел, следовательно, не могла принести успеха. Она вела лишь к неоправданному затягиванию переговоров и росту обоснованного недоверия к политике Титулеску со стороны Советского правительства.

На политику румынских правящих кругов отрицательное воздействие оказывало все возрастающее давление со стороны гитлеровской Германии и панской Польши, усматривавших в планах создания общеевропейской системы коллективной безопасности преграду для осуществления своих агрессивных замыслов. Гитлеровцы стремились помешать румыно-советскому сближению, усилить свое влияние в Румынии, изолировать Чехословакию от ее союзников и в особенности лишить действительности советско-чехословацкий пакт о взаимопомощи. Деятельность Титулеску находилась под непрерывным наблюдением агентов гестапо²⁵. Германское правительство время от времени делало в Бухаресте успокоительные заявления о том, что не намерено поддерживать венгерские территориальные притязания к Румынии. Геринг еще в октябре 1934 г. уверял румынское правительство, что Германия готова «гарантировать все границы Румынии, как восточные, так и западные, при условии, что румынское правительство не позволит советским войскам проходить через румынскую территорию...»²⁶.

Осенью 1935 г. короля Румынии посетил его родственник князь Ф. Гогенцоллерн. Германское министерство иностранных дел поручило ему воздействовать на короля с целью побудить его занять более жесткую позицию по отношению к политике коллективной безопасности, проводимой СССР. По возвращении из Румынии князь в беседе с германским посланником в Вене Папенем сообщил, что ему удалось убедить Кароля в серьезности «русской опасности». Он сказал, что Кароль решил ни при каких обстоятельствах не допускать присоединения Румынии к системе пактов о взаимопомощи, образованной советско-французским и советско-чехословацким договорами. Позиции Титулеску при дворе ухудшились. «Король очень хочет улучшения отношений с Германией»²⁷, — заключил Ф. Гогенцоллерн.

Активную антисоветскую деятельность осуществляла в Румынии польская дипломатия. В конце июня 1935 г. советский

²⁴ ДВП СССР, т. 18, № 295, с. 426.

²⁵ Teichman M. Titulescu a Rumunska zahranicni politika, s. 682.

²⁶ Cioranescu G., Filiti G., Floresco R., Ghermani D., Gorjiu A., Corne M., Neculce N. Aspects des relations russe-roumaines. Retrospectives et orientations. P., 1967, p. 134.

²⁷ ЦГАОР, ф. 7445, оп. I, д. 1787, л. 109.

полпред в Бухаресте писал М. М. Литвинову, что поляки развивают «усиленную деятельность, направленную к срыву пакта (советско-румынского. — В. А.). Производятся многочисленные попытки воздействовать на двор, партию и прессу»²⁸. Польское посольство в Бухаресте плело закулисные интриги против политики сближения с СССР, стремясь дискредитировать в глазах румынской общественности идею советско-румынского сотрудничества²⁹. Польский посланник Арцишевский носился то с идеей подписания советско-польско-румынского пакта о ненападении, что, по его мнению, могло бы удержать Румынию от заключения договора с СССР, то предлагал предпринять в Париже демарш против советско-румынских переговоров, аргументируя тем, что пакт между Советским Союзом и Румынией помешал бы франко-германскому сближению, которое является целью Лаваля³⁰. С целью обострить вопрос о Бессарабии польская миссия в Бухаресте широко пропагандировала тезис о том, что Польша не возражала бы против заключения советско-румынского пакта о взаимопомощи при условии, что СССР признает Бессарабию составной частью Румынии³¹.

В октябре 1935 г. в Варшаву прибыл реакционный румынский политический деятель Г. Братиану. Его просьба усилить давление на Бухарест с целью сорвать заключение советско-румынского договора встретила полное понимание и поддержку со стороны польского правительства. Заместитель министра иностранных дел Польши Я. Шембек заявил Г. Братиану, что советско-румынский пакт представляет серьезную угрозу для Румынии, так как вовлечет якобы ее в орбиту советской внешней политики³². Варшава не остановилась и перед прямой угрозой в адрес румынского правительства. Бухарест был поставлен в известность, что в случае заключения советско-румынского договора Польша рассмотрит целесообразность дальнейшего сохранения военного союза с Румынией³³. Польское правительство также угрожало: в случае предоставления советским войскам права прохода через румынскую территорию, немедленно оккупировать карпатские перевалы³⁴.

Сильное противодействие заключению советско-румынского пакта оказывала королевская Югославия. Югославское правительство упорно отказывалось установить дипломатические отношения с Советским Союзом, что препятствовало установлению эффективного сотрудничества между СССР и Малой

²⁸ ДВП СССР, т. 18, № 283, с. 406.

²⁹ ДВП СССР, т. 18, № 418, с. 566; ИДА СССР, ф. 90, оп.1, д.174.

³⁰ *Diariusz i teki J. Szembeka*, t. 1, s. 422, 427.

³¹ *Kr a l V. Spojenectvi cecoslovensko-sovetske ...*, s. 87.

³² *Diariusz i teki J. Szembeka*, t. 1, s. 365—366.

³³ ДВП СССР, т. 18, № 216, с. 324; с. 647, примеч. 163; ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2760, л. 15—17.

³⁴ *Kr a l V. Spojenectvi cecoslovensko-sovetske ...*, s. 90.

Антантой. В беседе с болгарским посланником в Белграде 10 июля 1935 г. Стоядинович сказал, что вопрос об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом не является актуальным для правительства Югославии³⁵. Несколько позже заместитель югославского министра иностранных дел Мартинац пояснил болгарскому посланнику, что Югославия не желает нормализации отношений с СССР из-за того, что «подобный шаг произвел бы плохое впечатление в Германии...»³⁶. Сессия Совета Малой Антанты, состоявшаяся в конце августа 1935 г. в Бледе, не принесла по этому вопросу никаких изменений³⁷.

Антисоветская позиция Югославии находила поддержку со стороны министра иностранных дел Франции Лавала. Прибывшему в сентябре 1935 г. в Париж Стоядиновичу Лаваль рекомендовал не идти на сближение с СССР³⁸.

Белград принял активное участие в дипломатических интригах, направленных на срыв советско-румынских переговоров, опасаясь в случае их успеха оказаться в изоляции³⁹. Германский посланник в Вене Папен доносил в Берлин, что югославские правящие круги способствуют устранению Титулеску с политической арены⁴⁰. По сообщениям германской печати, принц-регент Павел оказывал постоянный нажим на короля Кароля и Титулеску с целью не допустить укрепления румыно-советских связей⁴¹.

Отрицательное воздействие на состояние советско-румынских отношений оказывала позиция французского правительства. Французские правящие круги опасались, что тесное сотрудничество между СССР и Румынией повлечет за собой усиление влияния Советского Союза в Румынии в ущерб Франции⁴². Поэтому Париж фактически тормозил заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Румынией. Заместитель начальника французского генштаба генерал Швейсгут, будучи на маневрах румынской армии, настойчиво рекомендовал румынскому правительству «замедлить сближение с Россией»⁴³. В дипломатических кругах ходили упорные слухи, что в Париже пообещали польскому правительству не допустить заклю-

³⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2541, л. 22. Донесение посланника в Белграде, 11.7.1935.

³⁶ Там же, л. 33—34. Донесение посланника в Белграде, 15.11.1935; ф. 141, оп. 1, а. е. 273, л. 7. Дневник Д. Шишманова.

³⁷ Там же, ф. 141, оп. 1, а. е. 361, л. 78. Донесение посланника в Афинах, 22.8.1935.

³⁸ Винавер В. Неуспех тајних југословенско-совјетских преговора 1934—1938 године.—In: Зборник за историју. Нови Сад, 1971, № 3, с. 51, 64.

³⁹ Kral V. Spojenectvi ceskoslvensko-sovetske..., s. 86.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 137.

⁴¹ Avramovski Z. Pitanje sovjetsko-rumunskog pakta..., s. 21.

⁴² ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2760, л. 26—29. Донесение посланника в Варшаве, 1.10.1935.

⁴³ DGFP, ser. C, v. 4, № 401, p. 802.

чения советско-румынского пакта, если Польша вернется к прежней политике дружбы с Францией⁴⁴. Депутат французского парламента де Монзи, побывавший в октябре 1935 г. в Румынии, предупредил Титулеску, что попытки углубить советско-румынское сотрудничество не пользуются популярностью во французских правящих кругах⁴⁵.

Серьезным препятствием для заключения советско-румынского пакта о взаимной помощи являлась задержка французским правительством ратификации союзного договора с СССР⁴⁶. В этих обстоятельствах заключение договора между СССР и Румынией могло повлечь за собой вступление Советского Союза в войну с Германией, в случае нападения последней на Румынию, без твердо установленных обязательств Франции также выступить против агрессора⁴⁷.

Закулисным вдохновителем антисоветских интриг в Румынии выступала Англия. Британское правительство, активно проводя политику попустительства агрессии, стремилось не допустить создания эффективной системы пактов о взаимопомощи, усматривая в ней угрозу своим планам направить фашистскую агрессию на Восток, против СССР. Правящие круги Англии фактически способствовали подрыву французской системы военно-политических союзов в Европе⁴⁸, рассчитывая на то, что ослабленная Франция будет не в состоянии проводить самостоятельный внешнеполитический курс и полностью подпадет под влияние Лондона. Показательно, что Берлин, хорошо осведомленный о настроениях, царящих среди британских правящих кругов в отношении усилий Советского Союза, направленных на коллективное обеспечение мира, рассчитывал использовать английское влияние в Бухаресте для торпедирования советско-румынских переговоров⁴⁹.

В октябре 1935 г. внутренней и внешней реакции удалось добиться опубликования румынским правительством декларации, в которой Бухарест заявлял, что не пойдет на заключение соглашения с СССР, согласно которому советские войска получили бы право прохода через румынскую территорию⁵⁰.

Английский посланник в Бухаресте направил по этому поводу «сердечное поздравление» своему польскому коллеге Арцишевскому⁵¹. Папен сообщал в Берлин, что в факте опублико-

⁴⁴ Kral V. Spojenectvi cecoslovensko-sovetske... , s. 90.

⁴⁵ Lukacs J. The Great Power and Eastern Europe. N.Y., 1953, p. 97.

⁴⁶ ДВП СССР, т. 18, № 436, с. 584.

⁴⁷ Avramovski Z. Pitanje sovjetsko-rumunskog pakta... , s. 27.

⁴⁸ PRO, FO.371/19490, p. 63—64.

⁴⁹ DGFP, ser. C, v. 4, p. 945, № 478. Югославские представители также постоянно подчеркивали в Бухаресте, что политика сотрудничества с СССР не пользуется поддержкой в Лондоне.— Kral V. Spojenectvi cecoslovensko-sovetske... , s. 89.

⁵⁰ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 133.

⁵¹ Diariusz i teki J. Szembeka, t. 1, s. 383.

вания такой декларации нужно видеть «победу британского правительства», которое стремится воспрепятствовать укреплению существующей системы пактов о взаимопомощи⁵².

Интриги международной реакции, направленные на срыв советско-румынских переговоров, смыкались с ожесточенным сопротивлением румынских реакционных кругов попыткам углубления сотрудничества с СССР. В мае 1935 г. германский военный атташе в Праге докладывал в Берлин, что влиятельные круги в Румынии выступают против советско-румынского сотрудничества. Сообщая о своей беседе с Каролом, атташе писал, что румынский король высказался против предоставления советским войскам права прохода через румынскую территорию для осуществления своих союзнических обязательств⁵³. В беседе с Титулеску в мае 1935 г. М. М. Литвинов указывал, что «антисоветские и отчасти прогерманские настроения имеются не только у короля и в придворных сферах, но широко распространены в армии, духовенстве, так называемом бухарестском обществе и почти во всех политических партиях»⁵⁴. Дворцовая камарилья во главе с Каролом II упорно противилась участию Румынии в системе коллективной безопасности против фашистской агрессии. Кароль II, премьер-министр Татареску и большинство членов кабинета выступали за проведение политики «нейтралитета». Эта политика предусматривала тесное сотрудничество с Англией и Польшей, верность союзу с Францией и Малой Антантой при сохранении тесных экономических и политических связей с Германией⁵⁵.

Особую активность в противодействии румыно-советскому сближению проявлял лидер младолибералов Г. Братиану. Дважды, в октябре и ноябре 1935 г., он вносил в парламент запросы о состоянии советско-румынских отношений, требуя отчета министра иностранных дел о проводимой им политике в отношении СССР⁵⁶. По этому поводу Братиану использовал парламентскую трибуну для резких нападок на идею заключения советско-румынского пакта о взаимопомощи, утверждая, в частности, что такой пакт создал бы «смертельную угрозу не только для безопасности румынского государства и его границ, но и для самого существования нации»⁵⁷. Румынская реакция поддерживала тесный контакт с германскими и польскими аген-

⁵² ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 106; Сиполс В. Я. СССР и проблема мира и безопасности в Восточной Европе (1933—1938 гг.). — В кн.: СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976, с. 39.

⁵³ DGFP, ser. C, v. 4, N° 153, p. 309—310.

⁵⁴ ДВП СССР, т. 18, № 244, с. 364.

⁵⁵ Чемпалов И. Н. Германская экспансия на Балканах в 1933—1938 гг. — Учен. зап. Урал. ун-та, 1958, вып. 25, с. 73.

⁵⁶ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 132—133; Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. М., 1977, с. 182.

⁵⁷ Documente diplomatice, N° 416, p. 707—708.

тами, получая от них щедрые субсидии на развертывание анти-советской пропаганды в стране⁵⁸.

Давление внешних и внутренних реакционных сил не могло не сказаться на политике, проводимой Титулеску в отношении Советского Союза. Его поездка в Москву, намеченная на октябрь, вновь была отложена⁵⁹. По сведениям, просочившимся в дипломатические круги, она должна была теперь состояться в ноябре 1935 г.⁶⁰ Однако в заявлении представителям печати, сделанном 5 ноября по возвращении из Женевы, Титулеску ни словом не обмолвился о переговорах с СССР с целью заключения пакта о взаимопомощи. Умолчал он и о поездке в Москву⁶¹. Болгарский посланник в Бухаресте И. Попов в донесении в Софию объяснил изменение планов Титулеску провалом попыток румынской дипломатии добиться отказа СССР от Бессарабии, а также махинациями Лавала, тормозившего ратификацию пакта с Советским Союзом с целью облегчить участие Германии в Дунайском пакте⁶².

16 ноября 1935 г. М. М. Литвинов писал полпреду СССР в Бухаресте М. С. Островскому, что отказ румынского министра иностранных дел от поездки в Москву, поскольку тот уже сообщил о ней в печати, «даст отрицательные результаты». М. М. Литвинов предложил полпреду потребовать от Титулеску окончательного ответа относительно даты приезда в советскую столицу⁶³.

В тот же день М. С. Островский телеграфировал М. М. Литвинову о своей беседе с Титулеску, который заявил, что «румыно-советский пакт должен быть аналогичен чехословацко-советскому, включая и протокол». Титулеску выразил намерение настаивать на внесении в текст пакта определения понятия собственной территории следующим образом: «Территория, определенная Трианонским договором и Днестром», или «территория, определенная Трианонским договором и Лондонским соглашением 1933 г.»⁶⁴ Это означало, что румынский министр иностранных дел по-прежнему намерен добиваться отказа СССР от Бессарабии.

20 ноября 1935 г. М. М. Литвинов дал следующее поручение М. С. Островскому: «Вы можете заявить Титулеску, что если он предложит пакт о взаимной помощи, не исключаящий агрессию какого бы то ни было государства, в том числе и Польши,

⁵⁸ Das politische Tagebuch A. Posenbergs aus der Jahren 1934—1935 und 1939—1940. Göttingen, 1956, s. 134.

⁵⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2760, л. 20. Донесение посланника в Москве, 30.10.1935.

⁶⁰ Там же, л. 18.

⁶¹ Там же, л. 23. Донесение посланника в Бухаресте, 7.11.1935.

⁶² Там же, л. 23—24.

⁶³ ДВП СССР, т. 18, № 407, с. 557. Титулеску, однако, уклонился от фиксации точной даты своего приезда в Москву.

⁶⁴ Там же, с. 666, примеч. 243.

то я такое предложение буду считать дискуссионным, но что в определении территории в таком пакте нет никакой надобности, тем более что это вело бы к нежелательной дискуссии, а практически интересующий Румынию вопрос разрешен конвенцией об определении агрессии»⁶⁵.

Однако в беседе с М. С. Островским 27 ноября 1935 г. Титулеску заявил, что считает «абсолютно необходимым определить географически территорию «де-факто», из которой советские вооруженные силы выходят после окончания войны»⁶⁶.

29 ноября М. М. Литвинов в телеграмме М. С. Островскому вновь изложил позицию Советского правительства по отношению к договору с Румынией. С целью облегчить достижение взаимоприемлемого соглашения он предложил, чтобы в тексте пакта не затрагивался вопрос о прохождении советских войск через Румынию. «Когда такой вопрос возникнет, можно будет говорить об условиях прохождения, но отнюдь не теперь. Сколько бы Титулеску ни крутил, он хочет добиться формального признания нами (присоединения к Румынии.— В. А.) Бессарабии, на что мы не пойдем»⁶⁷, — подчеркнул нарком.

Поскольку Титулеску продолжал настаивать на фиксации в тексте пакта формального отказа СССР от Бессарабии, М. М. Литвинов 7 декабря 1935 г. дал указание полпреду в Бухаресте до разрешения вопроса о захваченной Румынией советской территории не обсуждать с румынским правительством других положений пакта⁶⁸. В письме М. С. Островскому 13 декабря 1935 г. М. М. Литвинов писал, что, поскольку заключение договора с Румынией связывается с ратификацией советско-французского пакта, а Франция «все больше отдаляется, нам нет оснований спешить с переговорами. Не видно, чтобы и Титулеску считал дело спешным, если он оттягивал окончательную редакцию своей поправки о территории, зная, что ему придется скоро надолго уехать из Бухареста». М. М. Литвинов решительно высказался против предложения Титулеску «избегать названия пакта взаимной помощи». Он также выразил несогласие с требованием румынского министра иностранных дел обусловить вступление в действие пакта оказанием помощи жертве агрессии со стороны Франции⁶⁹.

Таким образом, по вине румынской стороны советско-румынские переговоры о заключении пакта о взаимной помощи,

⁶⁵ ДВП СССР, т. 18, № 411, с. 559.

⁶⁶ Там же, с. 668, примеч. 248.

⁶⁷ Там же, № 426, с. 572—573.

⁶⁸ Там же, № 436, с. 584.

⁶⁹ ДВП СССР, т. 18, с. 669, примеч. 253. Принятие подобного требования, несомненно, ослабило бы значение советско-румынского пакта. Поскольку Бухарест не имел договора о взаимной помощи с Францией, то в случае агрессии против Румынии румынскому правительству пришлось бы уповать лишь на добрую волю Парижа.

состоявшиеся во второй половине 1935 г., не привели к успеху⁷⁰. Эти переговоры показали, что румынская сторона руководствуется не интересами политики коллективной безопасности, а стремится извлечь корыстные выгоды из сотрудничества с СССР, прежде всего добиться отказа Советского Союза от его законного права на Бессарабию.

* * *

Большое значение в деле предотвращения агрессии Советское правительство придавало также установлению тесного сотрудничества в интересах мира с Турцией, с которой Советский Союз поддерживал дружественные отношения с начала 20-х гг. Советская дипломатия считала, что участие Турции в создании системы коллективной безопасности позволит успешнее и быстрее решить задачу обеспечения прочного мира в Европе.

В середине июня 1935 г. М. М. Литвинов в беседе с турецким министром иностранных дел Арасом на сессии Совета Лиги наций в Женеве поставил вопрос о заключении нового соглашения между СССР и Турцией в интересах укрепления двустороннего сотрудничества. М. М. Литвинов также отметил, что Советское правительство не хотело бы создавать новый внешнеполитический фронт⁷¹. Арас согласился с мнением наркома иностранных дел СССР и заявил, что Турция могла бы заключить с Советским Союзом пакт о взаимной помощи, направленный против агрессии со стороны Германии. Он также сказал, что турецкое правительство не станет требовать привлечения к этому пакту своих союзниц по Балканской Антанте. М. М. Литвинов обещал обсудить предложение Араса в Москве⁷².

23 июня 1935 г. М. М. Литвинов поручил временному поверенному в делах СССР в Турции Залкинду сообщить Арасу, что Советское правительство обсудило его предложение о пакте о взаимной помощи между СССР и Турцией и не возражает против заключения такого пакта. Советско-турецкий договор, писал в телеграмме Залкинду М. М. Литвинов, мог бы быть заключен приблизительно на тех же условиях и содержать те же взаимные обязательства, что и в советско-французском и советско-чехословацком пактах. «Если Арас желает,— указывал далее М. М. Литвинов,— смогу протелеграфировать Вам те изменения, которые надо внести в вышеуказанные пакты в применении к нашим взаимоотношениям с Турцией»⁷³.

⁷⁰ Советско-румынские переговоры о заключении пакта о взаимной помощи были продолжены в 1936 г.

⁷¹ ДВП СССР, т. 18, № 278, с. 402—403.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, № 282, с. 405.

Таким образом, учитывая, что наибольшую опасность для судеб мира представляет германский фашизм, Советское правительство предлагало, чтобы советско-турецкий договор был заключен по образцу советско-французского и советско-чехословацкого пактов о взаимопомощи. Его острие, следовательно, было бы направлено прежде всего против агрессии со стороны третьего рейха.

Встретившись 25 июня 1935 г. с турецким министром иностранных дел, Залкинд изложил ему позицию Советского правительства. Однако реакция Араса оказалась на этот раз весьма сдержанной. Признав, что в результате заключения советско-турецкого пакта о взаимной помощи были бы созданы более тесные взаимоотношения между двумя странами, Арас вместе с тем высказал мнение, что такой пакт «скорее неохотим СССР, ввиду неактуальности для Турции германской угрозы»⁷⁴. Советско-турецкий договор, ограниченный случаем агрессии со стороны Германии, продолжал далее Арас, может быть заключен лишь в рамках многостороннего консультативного пакта. Турецкий министр иностранных дел настаивал также на том, чтобы советско-турецкий пакт не был «по внешности направлен против третьей державы»⁷⁵.

29 июня 1935 г. по поручению М. М. Литвинова Залкинд вновь встретился с турецким министром иностранных дел. Советский дипломат обратил внимание Араса на то, что тот на переговорах с министром иностранных дел СССР в Женеве ничем не обуславливал свое предложение о пакте о взаимной помощи с СССР против германской агрессии. Однако Арас, ссылаясь на турецкое общественное мнение, стал вновь настаивать на том, чтобы будущий советско-турецкий пакт не был заострен против определенного государства. Турецкий министр иностранных дел заявил, что заключать пакт о взаимной помощи против агрессии со стороны Германии «нет смысла», так как он якобы «представлял бы собой шаг назад по сравнению с фактическим положением»⁷⁶.

1 июля 1935 г. М. М. Литвинов направил письмо Залкинду, в котором писал: «Заявите Арасу от моего имени, что он совершенно определенно говорил мне о пакте, имеющем в виду только германскую опасность и вне всякой связи с другими пактами. На это предложение я и дал ему ответ. Из его ответа мы делаем заключение, что либо он берет свое предложение назад, либо предложение, сделанное им лично, не подтверждено его правительством. В том и в другом случае приходится считать переговоры по этому поводу прекращенными»⁷⁷.

Таким образом, по вине турецкой стороны советско-турецкие

⁷⁴ ДВП СССР, т. 18, № 286, с. 410.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, № 296, с. 427.

⁷⁷ Там же, № 299, с. 429.

переговоры о заключении пакта о взаимной помощи, состоявшиеся летом 1935 г., не дали положительного результата. Эти переговоры показали, что турецкое правительство не желает четко определить свою позицию на стороне СССР, а стремится сохранить свободу маневрирования между силами мира и силами агрессии и войны. Такая позиция Анкары противоречила политике коллективной безопасности, осуществлявшейся СССР, и свидетельствовала об усилении реакционных тенденций среди правящих кругов Турции. С середины 30-х гг. начались постепенный отход Турции от политики дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и переориентация ее на западные державы, прежде всего на Англию⁷⁸.

Позиция Турции, как и Румынии, во многом зависела от того, станут ли западные державы на путь сотрудничества с СССР. Однако реакционные правящие круги Англии, Франции и США, в противовес последовательно проводившейся Советским Союзом политике коллективной безопасности, упорно стремились к антисоветскому сговору с фашистскими агрессорами. Под воздействием внешнеполитического курса западных держав неуклонно усиливались реакционные тенденции среди румынских и турецких правящих кругов.

Отказ от эффективного сотрудничества с Советским Союзом в интересах мира подрывал международные позиции Турции и Румынии, способствовал превращению их в объекты борьбы между империалистическими группировками, наносил ущерб настойчивым усилиям СССР, направленным на создание системы коллективной безопасности с целью обуздания агрессоров.

Несмотря на это, Советское правительство продолжало решительно бороться за мир и безопасность народов.

⁷⁸ В начале 1934 г. турецкий посол в Варшаве Ферит-бей говорил заместителю министра иностранных дел Польши Я. Шембеку, что дружба с СССР является для Турции определенной гарантией, но эта гарантия «не-настоящая» и нуждается в ней Турция постольку, поскольку «пока не в состоянии противостоять России». — *Diariusz i teki J. Szembeka*, t. 1, s. 205.